

Александр РЫЖОВ

*родился в г. Оленегорске Мурманской области.
Окончил Санкт-Петербургский государственный университет
(факультет журналистики).*

*Поэт, прозаик. Работает в различных жанрах: поэзия,
документалистика, литературная критика, фантастика,
историческая и приключенческая проза,
психологические гротески, кинодраматургия.
Автор восемнадцати книг.*

*В 2008-м в рамках всероссийского конкурса «Читают все!»,
проводимого газетой «Книжное обозрение»,
признан лучшим журналистом года.*

*Член Мурманского отделения Союза писателей России.
В журнале «Север» публикуется впервые.*

**Александр
РЫЖОВ**
г. Мурманск

«Бился прибой в скалы...»**СОЛНЦУ**

Умер твой Кукулькан, в отставку отправлен Ра,
Но тебе все равно, оранжевощекий идол.
Тени яблонь в саду я сегодня читал с утра,
Как читал Шампольон пиктограммы на древних плитах.
Мне пригрезились в роще тевтонских подков следы.
Слышишь? Лес шелестит, словно шумные князьки стяги.
Можно, землю копнув, отыскать меж вальяжных дынь
Половецкий кинжал или желтую кость варяга.
То ли заступа скрип, то ли пращуров тихий стон...
Мы глядим друг на друга сквозь поры земли, сквозь шелки.
Тот сармат, чье ребро под малинным гниет кустом,
Точно так же любил тебя, идол оранжевощекий.
Точно так же любил тебя сброд из окрестных сел,
Что прошел чрез столетья, тобою и водкой палимый.
Торфяные трясины, рассыпчатый краснозем...
Все, что тронуту солнцем, все живо. Неповторимо.

* * *

Все сходится нынче: и даты, и люди, и звезды.
Считать совпадения — в моей ли слабеющей власти?
Я черный работник без права на радость и роздых,
Бессменный старатель на приисках истовой страсти.
Осеннее солнце. Последняя правда природы.
Сухие деревья, как грани веков, полустерты.
Мне трудно дышать. Это будущей эры зародыш
Растет из предсердия, взрывая гортань и аорту.
Я дам ему волю. Я стану пустой оболочкой,
Покинутым ульем, мякиной, ботвой, шелухой...
И скроюсь навек, поперхнувшись прощальной строчкой,
В высокой траве, под пахучей вздыхающей хвоей.

* * *

*Здесь время делает круг и превращается в ветер.***В. Велтистов**

На большом циферблате время делает круг,
 Замкнутый в контуре комнаты, как драже в облатке.
 А за окном облака громоздятся друг
 На друга — подобьем кирпичной кладки.
 Непогода. Мигрень. Напряженье внутри и вне.
 Здесь — качается маятник, там — качаются сосны.
 На перекрестке замер в нимбе огней
 Не серафим шестикрылый, а монстр двуосный.
 Одиночество — благо, говаривал Эпикур.
 Но оно же есть способ достичь консистенции воска
 В отношенье мозгов. И реальность с приставкой «сюр»
 Вдруг предстанет банальной, как веник или расческа.
 Это возраст, наверно. Мне нравится мерный стук
 Механизма, сверканье стекла в электрическом свете.
 На большом циферблате время делает круг
 И, выпорхнув в форточку, превращается в ветер.

* * *

*...а потом пошли в Рим.***Деян. 28, 14.**

Жесткой рукой воду в лицо бросил,
 Хлеба ломоть из дорожной сумы вынул.
 Жгла темноту жаркой золы просыпь,
 Ветер морской шумно дышал в спины.
 Вечер лежал на берегу плотно.
 Зябок он был и вместе с тем душен.
 Немолодой, видевший смерть сотник,
 В землю воткнув меч и копьё, слушал.
 Голос звучал из полумглы глухо —
 Словно не здесь, словно сходил свыше,
 Тек над землей и достигал слуха,
 Чтобы врати в тех, кто его слышал,
 Чтобы стряхнуть липкую лень, как пелену, с них,
 Чтобы явить истину им, серым...
 Слово за словом тихо ронял узник,
 Зло заседал добрым зерном — верой.
 Ночь напролет... Ветер утих шальный.
 Тлела зола, холод и мрак плавя.
 Рядом чужой бился прибой в скалы.
 Шел на закланье в языческий Рим Павел.

НА ПОЛЬСКО-ГЕРМАНСКОЙ ГРАНИЦЕ

Порубежье Шенгена. Позади
Кнедлики, костелы, смешное «добже!».
Ветер на немецкий свистит мотив,
Контрабандно рыская над таможенной.
Шелестит бессвязно ничейный лес.
Облака плывут, щеголяя грацией, —
Без отметок в паспорте, без страховок, без
(Даже страшно вымолвить!) деклараций.
Полтора часа на границе. Тень
От столба ползет по дорожке желтой.
Лень напрячь мозги, шевельнуться... Лень
Бросить вслед таможеннику: «Пошел ты!..»

РЕКВИЕМ ПОГАСШЕМУ КАМИНУ

*Вера Холодная носила туфли
тридцать третьего размера.*

...А в Галиции грязь. И жгутами дымов перевит
Небосвод. И вселенская злость на шетинистых лицах.
Ну а вы им с экрана — зачем? — о какой-то любви,
Той, которая в мире уже никогда не случится.
Для кого они, взмахи болезненно-тонкой руки,
Трепет легкой ступни тридцать третьего — сказка! — размера?..
Этим злым — через час — под австрийские пули, в штывки,
А назавтра — из этих же ружей — в своих офицеров.
А потом — очень скоро — в мятежном Кронштадте помин
По надеждам обманутым править под пушечный грохот...
Ну а вы им с экрана — зачем? — «Позабудь про камин,
В нем погасли огни...» Не огни! Отгорела эпоха.
До чего же смешная эпоха! — невинных проказ,
Канареек, обученных бойко болтать по-французски,
Шляпок с перьями, скромно и томно опущенных глаз,
Кружевных вакханалий на целомудренных блузках.
Ах, наивная вера в могучую силу добра,
В торжество красоты этих рук, этих губ, этих глаз ли...
Ах, наивная Вера! Растаявший хрупкий мираж.
«Позабудь про камин, в нем погасли... погасли... погасли...»
Хватит клюквенных соков! Даешь настоящую кровь!
И над тенью тапера, в жару кинозальных потемок,
Полотняную плеву — как рейд под Одессой — вспоров,
Многостволой химерой плывет броненосец «Потемкин».
Ах, наивная Вера! Вы жили в картонной стране,
Что сгорела дотла. Даже пепел рассыпался, Вера!
Только странное что-то мне чудится в тишине:
Шелест туфелек ваших — почти неземного размера.